

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№). . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца . . . 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 11 февраля
30 января 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Политическія затѣи официальныхъ народниковъ и внутреннее дѣло въ Россіи. — 2) Изгнаніе П. Лаврова изъ Франціи. — 3) Прибытіе г-жи Бардиной въ Женеву. — 4) Покушеніе на личность синодальнаго оберъ-прокурора. — 5) Конспиративная квартира у Николаевского моста и новыя аресты. — 6) Новыя жертвы административнаго провоза. — 7) Катковъ—воспитатель цесаревича. — 8) «Новому Времени» о польскомъ вопросѣ. — 9) М. А. Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи. М. Д. — 10) Литературно-политическія замѣтки: III, Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ, М. Драгоманова. — 11) Югославянская борьба и политика цетинскаго правительства (корреспонденція «Вольнаго Слова»), П—пчъ. — 12) Всеобщій переполохъ въ Галиціи, М. Драгоманова. — 13) Хроника равачаго движенія: I Соединенные Штаты Сѣв. Америки. (Рабочій конгрессъ въ Нью-Йоркѣ. Стачки). II Франція (Исключеніе группы «Egalité» изъ федераціи центральной области Франціи. III Австро-Венгрія (Отзывы буржуазныхъ газетъ о социальнo-политическихъ отношеніяхъ въ Венгріи. Полицейско-судебныя преслѣдованія социалистовъ. Отношенія послѣднихъ къ подавленію независимости сербскихъ племенъ). IV Италія. — 14) Жертвы антиеврейскаго движенія въ Варшавѣ по занятіямъ. — 15) Мелочи: «Вольное Слово» и «Оса»; либерализмъ и народничество въ русскихъ газетахъ. — 16) Поправки. — 17) Объясненіе.

ЖЕНЕВА, 11 февраля 1882 г.

Существуетъ предположеніе, что клика официальныхъ народниковъ старается возбудить общественное вниманіе къ участи вступившихъ въ кровавую борьбу за свободу босняковъ и герцеговинцевъ и втянуть Россію въ эту борьбу съ цѣлью отвлеченія умовъ отъ вопросовъ внутренняго переустройства, такъ рѣшительно поставленныхъ на очередь нашими земствами и передовою печатью. Неотложность разрѣшенія этихъ вопросовъ указывается самою жизнью: повсемѣстною неурядицею, неспокойствомъ массъ, неуверенностію въ завтрашнемъ днѣ, начинающая отъ изпураемаго дифтеритомъ, непо-

сильными поборами и самоуправствомъ властей земледѣльца и кончая окруженнымъ наружнымъ блескомъ, но нравственно пригнетеннымъ главою государства. Не думаемъ, чтобы при такихъ условіяхъ новыя бѣдствія, порождаемая войною, новыя тягости, новыя кровавыя жертвы въ состояніи были «поднять народный духъ» не въ смыслѣ ускоренія взрыва всенароднаго негодования, а въ смыслѣ водворенія въ средѣ управляемыхъ «терпѣнія и любви», успокоить возбужденные нервы, упорядочить разстроенную жизнь. Населеніе Россіи безъ различія классовъ и національностей не можетъ, конечно, не сочувствовать освободительной борьбѣ сербскаго народа, не терпящаго своего обезличенія въ австро-венгерскомъ дуализмѣ, въ чуждыхъ его національному духу формахъ государственной жизни; но самое это сочувствіе не могло бы явиться безъ остраго ощущенія нами своего собственнаго недуга, безъ сознанія необходимости выйдти самимъ изъ удручивающей атмосферы сложившихся обстоятельствъ на чистый воздухъ, на свѣтъ и просторъ свободы и права.

Мыслимъ людямъ общества, сознательной части народа нечего обращать вниманія на то, что генералу Скобелеву надобно оргіи загородныхъ ресторановъ и захотѣлось предаться вновь сильнымъ ощущеніямъ на полѣ битвы, среди труповъ безпощадно (для вящей славы, разумѣется, хотя нерѣдко и безъ надобности) истребляемыхъ имъ полковъ и цѣлыхъ дивизій; имъ нечего заслушиваться ходульно-восторженныхъ возгласовъ московскихъ пророковъ объ историческомъ призваніи Москвы (не Россіи); пусть и петербургскіе генералы, и московскіе пророки пьютъ, приходятъ въ экстазъ и потрясаютъ кровавымъ знаменемъ шовинизма, ослѣпляющимъ, правда, но ослѣпляющимъ лишь дикіе инстинкты,—на то они

люди меча и люди праздной фантазіи;—людямъ мысли, людямъ дѣла, общественнымъ дѣятелямъ всей страны слѣдуетъ идти своею дорогою, требовать исполненія того, на чемъ они уже стали, безъ чего наше настоящее сдѣлалось невозможнымъ и что должно лечь устоємъ, краеугольнымъ камнемъ нашей будущей народно-государственной жизни.

Гражданская доблесть нашего времени имѣетъ весьма мало общаго съ военными подвигами и рѣшительно враждебна завоевательнымъ замысламъ. Да и къ какимъ практическимъ результатамъ приводятъ эти подвиги, если они не направлены къ достиженію широкаго гражданскаго идеала и не отъ него отправляются? Русское правительство на опытѣ могло убѣдиться, что даже имъ освобожденные народы не вѣрятъ въ искренность его освободительныхъ намѣреній. А почему не вѣрятъ? Потому что у себя дома оно систематически преслѣдовало цѣли прямо противоположныя; потому что въ Карской области, въ центральной Азіи оно показало себя только завоевательнымъ, а болгарская конституція, имъ созданная, съ его же согласія уничтожена Батенбергомъ. Подаренные Австро-Венгріи босняки и герцеговинцы скоро увидѣли, что освобожденіе отъ турецкаго ига безъ права самоуправленія еще не даетъ свободы и даже не улучшаетъ матеріальнаго быта народа; а пользующееся самоуправленіемъ населеніе Восточной Румелии не чувствуетъ давленія стамбульской деспотіи и, находясь лишь въ номинальной зависимости отъ Высокой Порты, даже и думать забыло о петербургскомъ правительствѣ. Покуда верховная власть въ Россіи откровенно не признаетъ за своими подданными права на самоуправленіе, или покуда само населеніе не приобрѣтетъ этого права, покуда въ управленіи страной голосъ земли не займетъ мѣста дворцовой и канцелярской

интриги *), покуда средства на нужды государства внутри и во внешних его сношениях и предприятиях будут выкачиваемы из народа, а не даваемы народом добровольно и по мере сил и возможности,—до той поры народное дело в России не может быть связываемо с внешней политикой правительства, и участие последнего в разрешении международных вопросов, в улаживании международных споров не может быть обусловлено истинными интересами страны.

Повторяем, в России, и особенно в настоящую минуту, не могут не сочувствовать героическим усилиям родственного племени свергнуть с себя иго австро-венгерского чиновничьего управления, но именно поэтому разнородной России, неустроившей еще своих внутренних международных и более частных — областных отношений, покуда еще невозможно возвысить своего, народного голоса и идти рука в руку с правительством, на счет замыслов которого во внешней политике народу ничего неизвестно.

Странно, что г. Игнатьев до сих пор не может понять, что никакие Аксаковы и Катковы не помогут ему отвертеться от коренных преобразований внутреннего управления, громко требуемых страной. Сочувствие славянам — сочувствием и останется, а дело — делом.

Телеграф принес нам известие, что один из авторов воззвания в пользу Красного Креста «Народной Воли», напечатанного в «Intransigent», Петр Лавров изгнан из предель Франца. Когда же будет положен конец такому насильственному порядку вещей и при котором иностранец подвергается преследованию за поступки, не считающиеся, по законам страны, предосудительными для туземца?

«La Tribune de Genève» извещает о прибытии в Женеву г-жи Бардиной, — этой в высшей степени симпатичной личности из состава московских пропагандисток (проез. 50-ти), которой еще в прошлом году удалось освободиться от несправедливо постигших ее страданий.

В Берлине сообщают частною телеграммой, что петербургская полиция задержала какого-то че-

*) Само высшее правительство до того слабо и безпринципно, что не может даже устроить чуждого кабинета с обязательной для всех министерств и сколько нибудь последовательно политической программой.

ловка, имевшего намерение совершить покушение на личность синодального обер-прокурора. По истини, полиция не только «заглядывает в душу», но и умудряется вычитывать в чужой душе такие намерения, какие желательно подмечать лишь сторонникам усиленных охран и других мер угнетения общества.

«Citoyen», под рубрикою: «la Révolution en Russie», сообщает, что та же полиция открыла небольшой нигилистический клуб, «конспиративную квартиру», у Николаевского моста, при чем арестовали 5 человек: дочь генерала, двух штаб-офицеров сыновей и двух сыновей очень богатых купцов.

Учрежденная на основании положения об охранной комиссии по делам поднадзорных и административно-ссылных за время председательства в ней ген. Черевина выслала административным порядком 7 новых лиц.

Статск. Сов. Катков за отличие произведен в тайные советники и, как нам передают, вероятно, будет назначен воспитателем к цесаревичу.

„НОВОМУ ВРЕМЕНИ“ О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ.

«Новое Время» считает неверным наше замечание о том, что оно в 1876 г. высказывалось сочувственно к мысли о «примирении с поляками», а теперь враждебно этому примирению. В № 2115 петербургская газета утверждает, что она всегда желала примирения, но на условиях не отдельности Польши, а единства ее с внутренней Россией при судебной реформе, земском, или местном самоуправлении и образовании. Относительно последнего петербургская газета прибавляет еще, что она ничего не имеет и против того, чтобы польское юношество получало образование на понятном ему языке. Если так, так к чему же были те выходки, которые позволяло себе «Новое Время» против людей, которые в сущности исходили от тех же требований, только мотивировали их иначе или же шли несколько дальше, напр. требуя и политической свободы и для Польши, и для «внутренней» России? Ведь не может же «Новое Время» считать для всех обязательною и форму, и меру его проектов удовлетворения интересов польского и других населений России?

С своей стороны, мы не станем придирались к «Новому Времени» и делать ему за прошлые грехи процесс, даже литературный, — по ограничимся только желанием, чтобы и эта газета, когда ей придется обсуждать вопросы в роду польского, отправлялась исключительно от интересов живых населений, а не заводила разсуждения в дебри абстракций, каковы: «единение», «государственные интересы» и т. п. «Государственных интересов», отдельных от интересов всех частей государства быть не должно, — а «единение» само по себе пустой звук: все дело в

том, около чего совершается единение. Может быть единение в общем разорении и — в общем богатстве, в просвещении и — в невежестве, в рабстве и — в свободе. И в политическом отношении есть единение — единение: есть единение прусское, московское и — швейцарское! Ну, право же, Швейцария, Женева и Тессин объединены между собою и при том во всех отношениях лучше, чем Москва, Варшава, Киев и т. п. По крайней мере, мы что то не слышим жалоб на женеvский или на тессинский сепаратизм!

М. А. БАКУНИН О ПРАВДЕ И НРАВСТВЕННОСТИ В РЕВОЛЮЦИИ.

Личность Бакунина оставила по себе замечательный след на революционном федерально-социальном движении в Европе, особенно в странах романских и славянских. А между тем мы до сих пор не имеем ни сколько нибудь полной биографии его, ни даже верной характеристики. Это обстоятельство имеет между прочим ту невыгоду, что оно позволяет всякому толковать о Бакунине вкряк и вкось и пользоваться его именем и отрывками из его сочинений для разных субъективных целей. Последнее делают особенно императорские прокуроры в России, а также публицисты враждебные федеральному социализму и направленные от консерваторов и до социалстов центристов.

В прошлом году появилась книга известного бельгийского публициста Эммы де Лавеле (de Laveley) о «Современном Социализме» (Le socialisme contemporain), в которой целая глава посвящена Бакунину, как «апостолу всеобщего разрушения». Между прочим этому «апостолу» выписываются совершенно изустские идеи о дозволенности всех средств для целей революции. В числе доказательств такого вычисления бельгийский публицист цитирует отрывки из «Революционного катехизиса», читанного во время Нечаевского процесса и будто бы писанного Бакуниным, с словами в роду следующих: «революционер презирает и ненавидит теперешнюю нравственность. Для него все нравственно, что благоприятствует успеху революции, и все безнравственно и преступно, что ее задерживает... В обществе революционер должен показывать себя не тем, что он есть» и т. п.

Из русских газет узнаем мы, что книга Лавеле переводится и на русский язык. Таким образом представление о Бакунине, распространяемые преимущественно царскими прокурорами, найдут себе поддержку в России и в книге публициста, известного за человека либерального и даже сочувственного относящегося к общинной собственности.

В виду этого, мы считаем не безпольным привести две выдержки из писаний Бакунина, одного печатного, а другого рукописного, из которых последнее передано нам лицом, состоявшим с ним в последнее время его жизни в близких отношениях. На страницах 13 прибавления А к книге

«Государственность и анархія» (въ 1873 г.) Бакунинъ говоритъ:

«Народа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ и для какой бы то ни было цѣли обманывать не слѣдуетъ. Это было бы не только преступно, но и въ видахъ достиженія революціоннаго дѣла вредно; вредно уже потому, что вслѣдствіе обману по существу своему близорукъ, мелокъ, тѣсенъ, всегда шитъ бѣлыми и гнилыми нитеями, вслѣдствіе чего непремѣнно обрывается и раскрывается, и для самой революціонной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направленіе. Человѣкъ сплелъ только тогда, когда онъ весь стоитъ на своей правдѣ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ. Тогда въ какомъ бы положеніи онъ ни былъ, онъ всегда знаетъ, что ему надо говорить и дѣлать. Онъ можетъ пасть, но осрамиться и осрамить своего дѣла не можетъ. Если мы будемъ стремиться къ освобожденію народа путемъ лжи, мы непременно запутаемся, собьемся съ пути, потерлемъ изъ виду самую цѣль, и если будемъ имѣть хотя какое нибудь вліяніе на народъ, собьемся съ пути и самый народъ, т. е. будемъ дѣйствовать въ смыслѣ и на пользу реакціи».

Въ письмѣ къ одному русскому революціонеру, одно время стоявшему близко къ Бакунину, послѣдній писалъ между прочимъ:

«Въ сношеніяхъ съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя природа позволитъ... на іезуитскомъ мошенничествѣ пичего живаго, крѣпкаго не построишь... революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ... безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала, никогда революція не восторжествуетъ»...

М. Д.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

III.

Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ.

Читатель, пробѣжавшій написанное выше заглавіе, можетъ подумать, что мы собираемся путить падъ «постояннымъ помѣстнымъ соборомъ Всероссійскія церкви». Нельзя сказать, чтобъ дѣйствія этого собора, — или же духовной канцеляріи, какъ его называютъ нѣкоторые даже православные, — не возбуждали иногда подобнаго желанія. Но на этотъ разъ мы совершенно далеки отъ такого желанія, — и предполагаемъ съ возможною серьезностью обратить вниманіе читателей на одно явленіе изъ религіозно-культурной жизни въ Россіи, которое не можемъ назвать иначе, какъ конфискаціею извѣстнаго количества человѣческихъ языковъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Мы сказали: «явленіе религіозно-культурной жизни», — и, какъ читатель увидитъ дальше, явленіе, о которомъ мы поведемъ рѣчь, вѣдъ преимущественно въ кругъ жизни рели-

гіозной, затрагиваетъ интересы и свѣтской культуры. Но, если бы даже оно касалось исключительно круга явленій жизни религіозной, то мы все таки, рискуя потерять извѣстное количество читателей, которые считаютъ эту жизнь ни мало не интересною для людей, вышедшихъ изъ религіознаго міросозерцанія, — не остановились бы повестить о немъ рѣчь даже передъ публикою заграничнаго политическаго изданія.

Мы сами не забудемъ, чтобъ русскія заграничныя политическія изданія, со временъ Кельсіева и Огарева, которые думали было привлечь къ революціонному движенію раскольниковъ, обращали вниманіе на тотъ кругъ явленій, изъ котораго мы теперь беремъ предметъ для бесѣды съ читателемъ. Если только признать, что политическая печать существуетъ исключительно для тѣхъ круговъ, изъ которыхъ выходятъ — или, лучше, въ которыхъ живутъ сами публицисты, да еще крайняго лагеря, то, конечно, такое невниманіе русской заграничной политической печати къ явленіямъ жизни религіозной можетъ быть вполне оправдано. Но мы думаемъ, что печать, даже заграничная, существуетъ для всѣхъ слоевъ населенія страны, — а, слѣдовательно, должна касаться и всѣхъ ихъ интересовъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что публицистика должна непремѣнно подчинять свои воззрѣнія понятіямъ того или иного изъ этихъ слоевъ. Совсѣмъ на противъ: публицистъ, имѣющій основаніе или претензію, считать свои воззрѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ воззрѣнія извѣстныхъ слоевъ общества, можетъ и долженъ сохранить ихъ во всей ихъ неприкосновенности и ставить вопросъ о какомъ бы то ни было явленіи, интересномъ для этихъ слоевъ, именно въ связи съ тѣми идеями, какихъ онъ самъ держится и пользоваться интересомъ, какой пробуждаетъ въ какомъ либо слоѣ общества данное явленіе, для проведенія въ этотъ слоѣ именно тѣхъ идей, какихъ держится самъ публицистъ.

А нельзя же отрицать, что явленія религіозной жизни интересуютъ еще огромное число населенія въ Россіи, не только въ т. из. низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Люди положительно-научнаго воспитанія не могутъ, конечно, сами раздѣлять этихъ интересовъ, но должны относиться къ нимъ съ точки зрѣнія свободы совѣсти. Ставши на эту точку зрѣнія и требуя, чтобъ весь строй политическихъ учреждений, соприкасающихся съ областью религіозной жизни, былъ основанъ на принципахъ этой свободы, люди положительно-научнаго образованія не только могутъ подавать свой умѣряющій религіозныя разногласія голосъ о разныхъ явленіяхъ жизни общества, соприкасающихся съ религіею, но и обратитъ религіозно-настроенные элементы общества, а особенно тѣ, которые имѣютъ основаніе быть недовольными существующимъ порядкомъ вещей, — къ общимъ началамъ свободы. Эта же свобода въ Россіи необходима вообще, а въ частности въ области мнѣній необходима и для самихъ людей положительно научнаго образованія, которое въ Россіи такъ же не признано законами, какъ и многія «недозволенные вѣрученія и себты».

Съ этими общими соображеніями мы приступаемъ къ обсужденію того явленія, которое намѣчено въ заглавіи настоящей статьи. Явленіе это состоитъ въ томъ, что Санктпетербургскій Святѣйшій Синодъ не только закрѣпощаетъ совѣсть всѣхъ жителей Россіи, которыхъ предки записаны были въ число православныхъ греко-восточнаго исповѣданія, но вообразилъ себя собственникомъ и языковъ, на которыхъ они говорятъ, и присвоилъ себѣ власть надъ литературою на этихъ языкахъ, которая имѣетъ какое бы то ни было соприкосновеніе съ религіею, хотя бы эта литература назначалась для нравственныхъ потребностей совѣтъ не православныхъ населеній. Всего страннѣе, что подобное, явно ненормальное положеніе дѣлъ не понимается должнымъ образомъ даже и тѣми, кто имѣетъ основаніе быть недовольнымъ частными примѣненіями таковой, вполне бессмысленной монополіи Святѣйшаго Синода.

Въ самое послѣднее время въ русской печати, — преимущественно въ Петербургѣ и въ Киевѣ, — всплывалъ нѣсколько разъ одинъ вопросъ, по поводу котораго во всякой цивилизованной странѣ непремѣнно подвѣргнута бы была критикѣ и вся система вышеупомянутой монополіи Святѣйшаго Синода, — по въ Россіи такова сила привычки къ подчиненію не только па дѣлѣ, но даже и въ мысляхъ самымъ противоестественнымъ нецѣлостямъ существующаго строя, что, при самой удобной оказіи, эта монополія осталась вовсе незатронутою даже въ принципахъ. Вопросъ, о которомъ мы говоримъ, касается перевода библіи на украинскій языкъ.

Вкратцѣ ходъ этого вопроса въ Россіи въ послѣднее время представляетъ слѣдующее: въ 1862 г. г. Костомаровъ съ своими друзьями изготавилъ переводъ Новаго Завѣта, который былъ представленъ въ Академію Наукъ и былъ одобренъ ею со стороны научно-литературной. Затѣмъ, для проведенія въ печать этого перевода, оказалось необходимымъ представить его въ Св. Синодъ, который одинъ имѣетъ въ Россіи право изданія книгъ св. Писанія. Синодъ же въ это время подпалъ подъ вѣщее вліяніе катковско-обрусительнаго направленія, которое вскорѣ затѣмъ перенесено было гр. Дм. А. Толстымъ и въ администрацію свѣтскихъ школъ, — потому не только не согласился взять на себя печатаніе украинскаго перевода Новаго Завѣта, но запретилъ (въ 1863 г.) духовнымъ цензорамъ пропускать какія бы то ни было украинскія книги религіознаго содержанія, а священникамъ говорить проповѣди на «простонародныхъ нарѣчіяхъ», — каковыя распоряженія постоянного помѣстнаго собора Всероссійскія церкви остаются въ силѣ и до сихъ поръ.

Въ свое время многіе обидѣлись такимъ поведеніемъ Св. Синода и находили его противнымъ принципамъ и интересамъ православной церкви, но, сколько помнится, никто не занкнулся о томъ, что, напр., запрещеніе печатанія по крайней мѣрѣ перевода Библіи совсѣмъ выходитъ за кругъ компетенціи Св. Синода, какъ вѣдомства, хотя и господствующей, но все таки одной только изъ церквей населенія Россіи. Никому и въ голову не пришло, что такой переводъ можетъ по-

надобиться и не одним православным людям украинского языка. Но вот прошло почти двадцать лет. В прошлом году выходит в Вѣнѣ полное издание «Новаго Завѣта» на украинскомъ языкѣ, въ переводѣ гг. Кулиша и Пулюя (четыре евангелія вышли еще въ 1870 — 71 гг., Пятикнижіе, Іовъ и псалтырь около того же времени, частью раньше, частью позже). Это было время «вѣяній», — и въ петербургскихъ и кievскихъ изданіяхъ (Русская Старина, Вѣстникъ Европы, Страна, Заря и пр.) появились извѣстія объ этомъ переводѣ съ прибавленіемъ пожеланій, чтобы или этотъ переводъ, или же прежній, Костомаровскій, былъ дозволенъ и въ Россіи. Нѣкоторые усердные украинофилы доходили даже до общаго уничтожить столь грозную для православія на Украинѣ штунду, посредствомъ украинскаго перевода Библии. Были и такіе, которые, послѣ всѣхъ похвалъ переводу гг. Кулиша и Пулюя, все таки допускали возможность, что Синоду этотъ переводъ не понравится, и, на этотъ случай, или рекомендовали переводъ г. Костомарова, или же взывали къ самому Синоду, чтобы онъ самъ отъ себя выработалъ исполнѣе православный переводъ Библии на украинскій языкъ, лишь бы только онъ не лишалъ православный народъ на Украинѣ священнаго писанія на его родномъ языкѣ. Святѣйшій Синодъ, который едва собрался на изданіе (непопулярное) Библии на великорусскомъ языкѣ и который въ дешевомъ изданіи распространяетъ — и то съ сравнительно недавняго времени — Новый Завѣтъ на немовѣрномъ языкѣ, который онъ называетъ «русскимъ нарѣчіемъ», конечно, не внялъ украинофильскимъ мольбамъ, тѣмъ болѣе, что члены его, очевидно знающіе всеобщую исторію періода реформациі полнѣе многихъ украинофильскихъ публицистовъ и даже ученыхъ, — не могли соблазниться и общаіемъ уничтожить штунду и шалопутство посредствомъ украинскаго перевода Библии.

Не смотря на таковую закоренѣлость св. Синода, опять никто (кроме отчасти одного изъ рецензентовъ на изданіе гг. Кулиша и Пулюя) — даже и не заикнулся, что переводъ Библии на извѣстный языкъ есть въ сущности дѣло литературное, или, если уже и церковное, то вовсе не дѣло одного какого либо вѣроисповѣданія. Никто не догадался поставить вопросъ объ украинскомъ Новомъ Завѣтѣ на такую напр. точку, что — моль, если онъ не правится Св. Синоду, то, можетъ быть, онъ понравится католикамъ, униатамъ, наконецъ, штундистамъ или даже шалопутамъ (людямъ божіимъ) украинскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ: Св. Синодъ, какъ официальный представитель интересовъ православной церкви на Украинѣ, можетъ находить выгоднымъ для своей церкви, чтобы паства ея не понимала священнаго писанія, какое ей читаютъ въ православныхъ храмахъ, можетъ предпочитать интересы обрушенія интересамъ пропаганды православія. Конечно, апостолъ Скрипін, Андрей Первозванный, папа которымъ во время сошествія св. Духа, несомнѣнно вѣсилъ въ огненномъ видѣ языкъ Украинскій, не оставитъ такое поведеніе петербургской духовной канцеляріи

безъ обжалованія передъ престоломъ Всевышняго. Но все это дѣло православной церкви и представляющей ее канцеляріи. А какое она имѣетъ право лишать украинской Библии людей неправославныхъ исповѣданій, наконецъ, безвѣроисповѣдныхъ любителей литературы, для которыхъ библия есть такой же памятникъ, какъ Веды, Зендавеста, Илиада и т. п.? Нигдѣ въ образованномъ мірѣ, даже тамъ, гдѣ остались господствующія церкви, духовенство этихъ послѣднихъ не имѣетъ подобнаго права: ему предоставлено только право издавать или не издавать религиозныя книги для людей своего вѣроисповѣданія. Оттого въ западной Европѣ есть изданія и переводы напр. Библии, сдѣланныя въ интересахъ разныхъ вѣроисповѣданій, а также и безвѣроисповѣдной свободной науки, — о какой въ Россіи не позволено даже и заикаться ученымъ, не смотря на то, что казна считаетъ долгомъ посылать русскихъ доцентовъ доучиваться въ Европѣ*).

Въ Западной Европѣ не вѣрятъ, если разсказывать, что протестантскіе пѣтистическіе гимны на русскомъ языкѣ, изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, должны были пройти черезъ цензуру православнаго духовенства, — что не мѣшало, однакожъ, православнымъ священникамъ и ставровымъ приставамъ въ Киевской губерніи конфисковывать ихъ изъ рукъ тамошнихъ штундистовъ. Многіе образованные русскіе не вѣрили намъ, когда мы имъ сообщали, что русскій переводъ Пятикнижія для евреевъ нужно было печатать — въ Берлинѣ. Такъ, какъ въ Россіи одинъ только Святѣйшій Синодъ имѣетъ право (и монополию) печатать Библию, а тѣмъ болѣе на русскомъ языкѣ, то евреямъ русская церковная политика представила альтернативу: или принять Пятикнижіе въ православной редакціи и посѣть въ синагоги его изданія съ значкомъ распятаго ими за «богохульство» Іисуса, — или же отказаться отъ мысли сблизиться съ русскими, по крайней мѣрѣ, по языку, даже въ религиозной жизни, какъ они сблизились напр. съ нѣмцами въ Германіи. И подобныя нелѣпости, — по истинѣ шедринскія «благотупости», — практикуются въ эпоху вищихъ заботъ объ «обрушеніи инородцевъ»!

Исторія этихъ послѣднихъ заботъ, въ ея религиозномъ отдѣлѣ, выдвинула одинъ рядъ явленій столь же курьезныхъ, какъ и сейчасъ разсказанныя приключенія штундистскихъ гимновъ и еврейскаго Пятикнижія. Мы разумеѣмъ курьезы вопроса «о распоряженіи католичества» въ Западномъ Краѣ, вопроса къ которому вновь начинаетъ подходить «Русь» въ статьяхъ о Бѣлорусіи. До самой половины 60-хъ годовъ не только православные, но и вольнодумцы въ Россіи были твердо убѣждены, что православіе — вѣра русская, а, соотвѣтственно тому, католицизмъ — вѣра польская, а протестанство — пѣ-

мецкая (нѣкоторые петербуржцы прибавляли еще — и чухонская). Убѣжденіе это было до того крѣпко, что Императоръ Николай I запретилъ пастерамъ проповѣдовать даже обрусѣлымъ солдатамъ католикамъ изъ западныхъ губерній иначе, какъ по польски, и что даже въ Тифлисѣ католическій календарь для армянско-католиковъ (!) печатался по польски, пока г. Катковъ не открылъ тутъ, — конечно, не російскую благоглупость, а «польскую интригу». Вдругъ, въ 1865 г. для вящаго пораженія этой интриги выдуманно было слово «обрусеніе» и выдуманно, конечно, не своимъ умомъ, а въ подражаніе прусской германизаціи. Прежде всего съ этимъ обрусеніемъ полѣзли въ т. наз. Западный Край, кстати же онъ тогда былъ признанъ исконо «русскимъ» (конечно, въ московскомъ смыслѣ этого слова) не только въ его бѣлорусскихъ и украинскихъ частяхъ, но даже и въ жмудско-литовскихъ. И вотъ оказалось, что въ этомъ краѣ католическое добавочное къ латинскому богослуженію и проповѣдь производятся на польскомъ языкѣ. Какъ тутъ быть? Терпѣть языкъ интриги не возможно, — но и осквернить православный русскій языкъ католицизмомъ и открыть послѣднему путь къ пропагандѣ среди русскихъ — тоже нельзя. Среди этихъ двухъ посылокъ вертѣлись въ 1865—1867 гг. печатныя и устные препирательства катковцевъ и аксаковцевъ въ администраціи и обществѣ. Одинъ очевидецъ и исполнѣе добросовѣстный челоѣкъ передавалъ намъ въ свое время споръ между двумя поборниками православія и обрусенія въ Киевѣ, извѣстнымъ тайнымъ совѣтникомъ и явнымъ доносчикомъ, Юзефовичемъ, и тогдашнимъ попечителемъ, потомъ товарищемъ министра, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, о томъ, что же дѣлать въ виду выше изложенной дилеммы? Оба патриота своего отечества наконецъ помирились на томъ, что хорошо было бы, запретивъ въ Западномъ Краѣ польскій языкъ и въ церкви, замѣнить его и въ добавочномъ богослуженіи — латинскимъ, а проповѣдь? Зачѣмъ палежской вѣрѣ проповѣдь?! Среди такихъ нелѣпостей вопросъ о языкѣ въ церквяхъ разныхъ вѣроисповѣданій западной полосы Россіи долженъ былъ запутаться, — и такъ какъ status quo былъ за польскій языкъ въ католической церкви, то поле и осталось за нимъ въ ожиданіи, когда вновь гг. Катковы и Аксаковы поднимутъ опять запутанный вопросъ и по сему случаю полиція вновь начнетъ впутываться въ вопросы совѣсти десятковъ, если не сотенъ тысячъ индивидуумовъ. *)

А между тѣмъ нѣкоторое изученіе литературной жизни въ томъ же Западномъ краѣ открыло, что именно до присоединенія этого края къ государству російскому здѣсь католицизмъ не былъ синонимомъ полонизма и что «русскій» языкъ здѣсь былъ въ употребленіи и у православныхъ, и у униатовъ, и у католиковъ, и у протестантовъ. Правда, что этотъ «русскій» языкъ не былъ тотъ, которому единому теперь официально при-

*) Ну, кто въ Россіи теперь смѣетъ даже мечтать о такомъ напр. изданіи, какъ недавно законченный французскій трудъ страсбургскаго профессора Ресса (Reuss — La Bible. Traduction nouvelle avec introduction et commentaires), который окончательно ставитъ на твердую научную почву всѣ вопросы, связанныя съ исторіей сложенія Ветхаго и Новаго Завѣта? ?

*) Кстати же, какъ видно изъ свѣдѣній сообщенныхъ въ прошломъ № «В. Сл.», къ этому вопросу подошли и переговоры русскаго правительства съ папою.

своею это имя, т. е. это был язык не великорусский (по западно-русскому, московский), а местный народный язык — на севере белорусский, на юге украинский, на которых и до сих пор ходит в Западном крае не мало песен и стихов о предметах религиозной жизни, начиная от молитв и оканчивая сатирою на духовных и даже на святых, во вкусе западных сатир и пародий реформационного времени (кой что из белорусского матерьяла в таком роде издано в сборнике Шенна, из украинского в сб. г. Чубинского и нашем *). Идея тождества католицизма с полонизмом в Западном крае есть идея новая, порожденная не столько «польскою интригою», сколько российской благоглупостью, которая отождествила русскую национальность с православием, а это последнее отдала в руки духовной канцелярии, и потому логически должна была признать неправославные исповедания «иностранными» и отдать их в ведение соответствующих канцелярий иностранного же характера. В довершение всего, благоглупость сия вполне противна всей до — российской культурной истории именно тех элементов населения западной России, которые враги «польской интриги» иной раз зовут псковно-русскими, а в другой не-чисто-русскими.

Откуда же явилась в России вышеупомянутая благоглупость? — Да ни откуда, как из того, что было Московским государством, преданиями которого некоторые остроумные люди думают спасти и облагодетельствовать всю Россию и даже все славянство в настоящем и будущем! Обратившись к истории изложения Библии на живых языках, которым придавали имя языка «русского», мы увидим, что с самого начала своего это изложение вовсе не связывалось исключительно с православием или с какою нибудь другою церковью. Первый перевод Библии, который присвоил себе имя русского, была «Библия Руска» доктора Фр. Скоринны, католика из Белоруссии, сделанная в начале XVI в. языком крайне близким к народному белорусскому. Не много спустя, белорус же, протестант и даже социалист, Сим. Будный, переводит на тот же язык протестантский катехизис с текстами из Библии. Один из старших опытов перевода Библии на украинский язык, так называемое «Пересопницкое Евангелие», переложенное в XVI же в. «с языка болгарского (церковно-славянского) на мову рускую», сделан был православным и даже духовным, но с умыслом разделен так, чтобы мог служить и католикам, и православным. **). Этот примѣръ, равно как и от-

носительная многочисленность опытов переложения разных частей Библии на языки, близкие к живым языкам народа в Белоруссии и на Украине в XVI ст., свидетельствуют, что в этих странах, открытых тогда общеевропейским влиянием эпохи возрождения наук и реформации, религиозная и вообще культурная жизнь шла по дорогѣ демократизации и свободы, из которых только первая может дать прочную основу культуре и только вторая может дать надлежащий психодический кризис нравственной, как и политической жизни.

Совсем иное мы видим в тогдашней Москве, которая послѣ разорения Новгорода и Пскова, к несчастью, стала в главѣ великороссийского племени. Москва слишком была удалена от культурных стран Европы и слишком долго провозилась почти исключительно с татарами, а потому и привыкла считать всякого иноверца поганым. Религиозно-культурная жизнь Великороссии замкнулась в рамки монополярного, и следовательно трижды мертвого православия. В Москве не было и мысли о том, что русский человек может быть не-православным, — и в то же время не было мысли и о том, что религия должна считаться с живым языком человека. Зѣсь поэтому довольствуются старым и чужим, ставшим вполне обрядовым, языком церковно-славянским.

Конечно, разноречие стремится проникнуть и в Москву, но идет оно от чужих и само находит нужным считаться с мертвенно-обрядовым церковным языком этой страны. В XVI в. в Стокгольме появляется перевод на этот язык катихизиса Лютерова, для ввоза в северную область России, к ужасу московских иерархов. В XVII в. уже одни потребности правитель-

ства заставляют его привлекать в Москву иностранцев и, следовательно, иноверцев и, таким образом, признать возможность сожительства разноречив в одном государстве. Но признание это имѣет мало общего с действительно религиозною свободою, которая около этого времени начинается рѣшительно входить в права и учреждения Западной Европы и которую в западной России, находившейся тогда под властью Польши, не смогла уничтожить даже иезуитская политика. В Москве образуется тот *modus vivendi* с разноречивами, который потом стал обязательным и для всей России и остается в силѣ и до сих пор. Этот *modus vivendi* состоит в том, что за иностранцами сохранена свобода богослужения, но без права пропаганды, а свои признаны на вѣки крѣпостным православной церкви, которая к тому же получила окончательно иерархическую, а потом иерархо-бюрократическую организацию. Вместе с тем вся культурная жизнь обязательно-православного населения, имѣющая такое или иное соприкосновение с религией, отдается в монополярное завѣдывание этой бюрократической иерархии.

Петръ Великий, которого московские восточники, как и петербургские западники, считают таким разрушителем московских порядков и преданий, — и в области религиозной, как и во многих других, не только не сдѣлал никакой существенной реформы, но даже дальше развил принципы московской жизни, хотя и дал им европейский мундир, и при том не столько нового покроя, в стилѣ начинавшегося тогда XVIII ст., сколько отжившаго XVII ст. Учредив духовную коллегию, Синод, он теперь окончательно подчинил ей всю духовную жизнь обязательно-православного населения, в том числе и религиозную литературу.

По мѣрѣ поступления областей украинских и белорусских под управление московского и петербургского государства и церкви, великорусские порядки навязывались и этим областям. Попала под эти порядки и религиозная литература Украины и Белоруссии. В 1720 г. Петру I донесено было, что в книгах, напечатанных в Черниговѣ (куда, кстати сказать, Петръ посылал москвичей учиться типографскому искусству и дѣланію чернил), напечатано несколько книг со сдѣланными «лютерскими» учениями и что в Киевѣ тоже выходят книги «со многою противностью восточной церкви». Вслѣдствие этого, изданія украинских типографій подчинены были цензурѣ петербургского синода (такой цензуры требовал еще патриарх московский в 1689 г.). Тем же указом велѣно было киевским и черниговским церковным книгам «с такими же церковными книгами справлять, прежде печати, с теми великороссийскими печатями, дабы никакой розни и особаго наръчія в оных не было». Послѣ такого указа нечего было и думать о продолженіи начатых в XVI и XVII в. опытов сближения церковного языка с народным ни в Украине, ни потом в Белоруссии, ни православным, ни тем иноверцам, которые не смѣли за со-сударственного авторитета раньше

*) Малорусские народные предания и рассказы. 1876. Киев.

**) С Пересопницким евангелием случилась в самое последнее время цѣлая история, характеризующая положение в России науки вообще, а особенно науки об Украине. Послѣ долгих похождений эта замѣчательная, по языку, письму и рисункам рукопись попала в библиотеку переяславской семинарии и была описана, впрочем, очень было, старыми украинскими (Бодянскими и др.). С переносом семинарии в Полтаву перѣехала туда, и рукопись. Там ее изучал в 1872 г. молодой украинский ученый, г. Житецкий, который и сдѣлал хорошее описание ея съ большими извлечениями в трудах Киевск. Археолог. Съѣзда 1874.

Полтавские духовные узнали, какое сокровище они имѣют, и в 1873 г. полтавский архіерей представил рукопись проѣзжавшему там министру и обер-прокурору Синода, гр. Толстому. Конечно, украинское евангелие XVI в. было укоромъ человеку, принимавшему дѣятельное участие в запрещеніях украинской литературы XIX в. Гр. Толстой и архіерей распорядились такъ, чтобы архіерей подарилъ Пересопницкое евангелие обер-прокурору, — хотя рукопись есть собственность семинарии. Между темъ комитетъ по устройству в Киевѣ археологическаго съѣзда и выставки обратился къ полтавской семинаріи съ просьбой доставить ему на время съѣзда этотъ замѣчательный памятникъ. Конференція семинаріи соглашается, — но архіерей заявляетъ, что рукопись предоставлена имъ въ распоряженіе гр. Толстого, а потому и не можетъ быть отправлена в Киевъ. Комитетъ обращается къ гр. Толстому и получаетъ тоже отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что онъ, гр. Толстой, долженъ о рукописи Государю, который повелѣлъ представить ему рукопись «на высочайшее воззрѣніе». Конечно, если бы и такъ, то осталось скорѣе показать рукопись Государю, — да и отправить в Киевъ. Но, во первыхъ, какъ разъ в августѣ 1874 г., Государь дѣлалъ смотръ войскамъ, а не рукописямъ, а, во вторыхъ, гр. Толстой именно не желалъ, чтобы укорительную для него и Синода рукопись зрѣлъ ученый мѣръ. На томъ дѣло и стало. Что теперь стало съ Пересопницкимъ евангелиемъ, не извѣстно. — На дняхъ мы узнали, что еще новый украинскій переводъ Новаго Завета и при томъ сдѣланный свѣтскимъ человекомъ, тоже в XVI ст. в Хоросевѣ, в нын. Киевской губерніи, найденъ въ Михайловскомъ монастырѣ в Киевѣ. Любопытно будетъ посмотришь, какъ его будутъ прятать отъ публики.

нения къ Россіи, какъ остзейскіе нѣмцы, или привислинскіе поляки.

Такъ замерли зачатки украинской и бѣлорусской народной литературы, сначала религиозной, а потомъ и школьной и культурной вообще. Въ самой привилегированной Вѣликороссіи свѣтская культурная литература должна была, конечно, развиваться, такъ какъ она требовалось даже нуждами правительства, и, конечно, должна была постепенно сближаться съ народнымъ языкомъ. Но въ церковной жизни осталась древнеболгарская мертвечина. Только въ XIX в., подъ влияніемъ западно-европейскаго піетизма, основывается Россійское Библейское Общество и предпринимаетъ изданіе библіи на живыхъ языкахъ,—но въ то время уже ослепительнымъ заправителямъ русскаго просвѣщенія не пришло и въ голову издать переводы украинскій или бѣлорусскій. Впрочемъ, русскіе православные іерархи нашли ересь изданіе даже библіи «на русскомъ нарѣчій», и, какъ извѣстно, такое изданіе не было пущено въ пубliku и залегло въ подвалы св. синода;—лондонскіе же его перепечатки строго преслѣдовались во все время царствованія Николая I. Только лѣтъ двадцать назадъ, послѣ того, какъ герценовская типографія предприняла свое изданіе русской библіи, изданіе Библейскаго Общества было перенезано св. Синодомъ. Но этому изданію еще очень далеко до живаго великорусскаго языка.

На Украинѣ съ самаго начала литературнаго возрожденіе въ XIX ст. ходила мысль объ изданіи библіи на языкѣ вполне «простонародномъ», — и въ 30-е и 40-е годы было дѣлаемо къ тому нѣсколько опытовъ, которые, конечно, должны были остаться въ рукописяхъ. Только въ 60-е годы съ подобнымъ опытомъ рѣшились попробовать выступить печатно. Какую судьбу имѣла эта проба,—разсказано выше. Тупость, обрусительность и, главное, монополія св. Синода легли камнемъ на эту пробу, — какъ лежатъ онѣ камнемъ на развитіи религиозной жизни и на свободѣ совѣсти всѣхъ населеній Россіи, какъ обязательно-православныхъ, такъ и неправославныхъ. Для насъ самое важное въ неудачѣ этой пробы — это общая сторона вопроса, а именно та монополія изданія библіи на извѣстныхъ языкахъ, которая присвоена себѣ главной духовной православною канцеляріею. Эта же монополія есть одно изъ проявленій еще болѣе общей ненормальности: смѣшенія понятій о церкви, государства и національности. Смѣшеніе этихъ понятій нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, сохранившей и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, старомосковскіе порядки. Нигдѣ также это смѣшеніе не производило такихъ возмутительныхъ нелѣпостей, какъ тѣ, которыхъ нѣсколько примѣровъ намѣчено и въ настоящей статьѣ.

Уже и эти нелѣпости нарушаютъ права интересы огромнаго числа индивидуумовъ. значеніе этихъ нелѣпостей станетъ еще важнымъ, если мы подумаемъ, что онѣ таяны съ общей религиозной политикой Россіи, съ такими явленіями, какъ

принудительные законы о смѣшанныхъ бракахъ, шиканы и явные притѣсненія желающихъ оставить православіе латышей и эстовъ въ остзейскомъ краѣ, канцелярскія обращенія въ православіе католиковъ въ Бѣлоруссіи, преслѣдованіе раскольниковъ и шундистовъ и, наконецъ, драгонады губернаторовъ противъ мусульманъ въ Казанской губерніи и противъ уніатовъ Хомско-Сѣдлецкаго края и т. п., и т. п. Всѣ эти нелѣпости, шиканы, преслѣдованія и кровавыя злодѣянія вопіютъ о существованіи въ Россіи вопроса объ отношеніи церкви и государства въ гораздо болѣе важныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ проявляется въ западной Европѣ. И въ Россіи вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только полнымъ отдаленіемъ религіи отъ политики, т. е. упраздненіемъ государственной церкви и признаніемъ всѣхъ разнорѣчій равноправными частными обществами, къ которымъ каждый воленъ принадлежать и не принадлежать, — чему, конечно, должна соответствовать полная свобода слова и печати по всѣмъ вопросамъ вѣры и невѣрія. Это единственное правильное примѣненіе начала свободы совѣсти, одной изъ существеннѣйшихъ потребностей человѣческой природы и одного изъ необходимыхъ условий нормальной общественной жизни.

Намъ кажется, что вопросъ о такомъ радикальномъ примѣненіи этого начала въ Россіи долженъ быть поставленъ теперь же, какъ часть важнѣйшаго теперь для Россіи вопроса о политической свободѣ. Самые разнообразные элементы населеній Россіи, начиная отъ свободныхъ мыслителей и разнорѣчцевъ всѣхъ видовъ и до самыхъ искренно-религиозныхъ людей среди самихъ православныхъ, которые не довольны канцелярскимъ характеромъ теперешней ихъ церкви, заинтересованы въ такомъ радикальномъ рѣшеніи религиознаго вопроса. Въ европейской же Россіи однихъ лицъ такъ называемыхъ «иностранныхъ исповѣданій» (евреевъ, католиковъ, протестантовъ, магометанъ и пр.) 15 миліоновъ, да изъ 55 миліоновъ официально-православныхъ до 15-ти миліоновъ раскольниковъ и сектантовъ разнаго рода. Такимъ образомъ, не считая свободныхъ мыслителей и недовольныхъ канцеляризмомъ церкви православныхъ, почти половина населенія европейской Россіи прямо заинтересована въ отмѣнѣ теперешняго устройства въ ней церковной жизни. Надо только всѣмъ недовольнымъ этимъ устройствомъ дружно заявить свое недовольство и потребовать приложенія въ сферѣ религиозной жизни той полной свободы, о которой мы говорили выше, — и установленіе этой свободы не замедлитъ послѣдовать. Только такимъ образомъ каждый получитъ свое, — а за тѣмъ, конечно, каждый можетъ идти своею дорогою.

М. Драгомановъ.

ЮГОСЛАВСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКА ЦЕТИНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Отъ нашего корреспондента).

Которъ. Со стороны Бокки пока все спокойно Австрійцы на Кривошанѣ не нападаютъ, а тѣ производятъ только рѣдкіе набѣги больше съ цѣлью заставить провіантомъ, нежели предпринять что либо серьезное. Слышно, что большая часть Кривошанъ дѣйствуетъ на той сторонѣ горъ, т. е. въ Зубцахъ, въ самомъ южномъ округѣ Герцеговины. Они пошли туда на помощь Зубчанамъ, потому что главныя силы усташей теперь отпавились далеко на сѣверъ и угрожаютъ Коняцѣ и Фотѣ, а часть ихъ перешла водораздѣльную цѣпь горъ и проникла въ Верхнюю Боснію; тамъ теперь и весь интересъ военныхъ дѣйствій.

Не будучи поэтому въ состояніи ничего узнать въ Рисанѣ, я оставилъ этотъ городокъ, въ которомъ накопленіе войска и подозрительность полиціи дѣлаетъ жизнь совершенно невозможной, и перѣхалъ опять въ Которъ, главный центръ военнаго и гражданскаго управленія Бокки и мѣсто остановки для всѣхъ ѣдущихъ въ Черногорію или изъ Черногоріи. Которъ очень оживленъ теперь присутствіемъ властей австрійскихъ, а также европейскихъ дипломатовъ и знатныхъ Черногорцевъ.

Изъ разныхъ источниковъ, здѣсь мнѣ доступныхъ, я выяснилъ себѣ слѣдующіе факты и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что черногорское правительство дѣйствуетъ противъ возстанія и въ пользу Австрійцевъ;

2, но также несомнѣнно и то, что князь Николай преслѣдуетъ при этомъ свои собственныя выгоды.

Агенты, посланные изъ Цетинья къ Кривошанамъ, просто уговариваютъ ихъ покориться Австріи и военному закону, общая заступничество князя въ примѣненіи этого закона.

Иначе говорятъ черногорскіе чиновники съ герцеговинцами. Они увѣряютъ ихъ въ сочувствіи и любви къ нимъ князя, сожалѣющаго, что не можетъ помочь имъ, и потому совѣтующаго имъ бросить теперь борьбу и выселиться въ Черногорію, гдѣ имъ князь дастъ земли, оставшіяся пустыми по уходѣ мусульманъ, какъ напр. на нишичскомъ полѣ. (Земли эти уже розданы въ частное владѣніе черногорскимъ принцамъ и вельможамъ, и потому выселившіеся туда герцеговинцы могутъ только сдѣлаться батраками теперешнихъ собственниковъ. Прим. Ред.)

Предвидя однако, что герцеговинцы на эту удачу не поймутся, тѣмъ болѣе, что многіе изъ присоединенныхъ къ Черногоріи въ 1878 г. округовъ сами выселились оттуда, — агенты князя намекаютъ австрійцамъ, что лучшее средство прекратить возстаніе и затруднить его возобновленіе въ будущемъ, это отдать Черногорію близъ-скій и гачкій округа, мало плодородные и, потому, ненужные Австріи, и воинственное населеніе которыхъ легче будетъ сдерживаться черногорцами.

Бѣдная Герцеговина! видно ея судьба такова, что ея природные друзья все соединяются съ ея врагами, чтобы подѣлать ее между собою. Тоже самое князь Николай предлагалъ и Турціи въ 1875 г., обѣщая ей за это прекращеніе возстанія.

Австрійцы сами выдаютъ князя. Здѣсь разсказываютъ, что пожалованіе ему ордена Леопольда при-

вело его въ неописанный восторгъ, и онъ сейчас же издалъ рядъ приказаній благоприятныхъ Австріи и чрезвычайно строгихъ относительно черногорцевъ. Между прочимъ, по желанію, переданному ему австрійскимъ резидентомъ, Теммелемъ, князь приостановилъ на неизвѣстное время «впредь до приказанія» выходъ перваго независимаго органа печати въ Цетиньѣ, «Баржактаръ», у котораго было набралось довольно подписчиковъ, особенно въ Далмаціи.

Тогда же было дано и приказаніе стрѣлять въ усташей, если они хоть только приблизятся къ черногорской границѣ. Извѣстіе газеты «Видело» объ убійствѣ нѣсколькихъ усташей нападшими на нихъ черногорцами, относительно котораго «Вольное Слово» выразило столь сильное сомнѣніе, теперь косвенно подтверждено официальнымъ «Гласомъ Прнворца», который перепечаталъ то же извѣстіе изъ «Augsburger Allgemeine Zeitung», не дѣлая никакой оговорки. (Имъ же и исправлено имя павшаго отъ братской руки несчастнаго вождя усташей: его звали не Сѣкичъ, а Лука Сѣничъ).

Самъ князь, какъ я уже писалъ Вамъ, со всѣмъ семействомъ и ближайшими любимцами въ Барѣ, большая часть сановниковъ здѣсь въ Которѣ; въ Цетиньѣ же остался тестъ князя Петръ Вукотичъ, тотъ самый, который въ 1878 г., договорившись съ австрійцами, окружилъ со всѣхъ сторонъ герцеговинское войско, 6 баталіоновъ, сражавшихся подъ знаменами Черногоріи, и, направивъ на нихъ пушки, приказалъ имъ положить оружіе и покориться Австріи; этотъ фактъ мыъ рассказывали сами черногорцы*). Вмѣстѣ съ Вукотичемъ въ Цетиньѣ остается и Теммель, уже не какъ представитель вѣнскаго кабинета, — князь, дворъ его и правительство отсутствуютъ, — а какъ настоящий правитель Черногоріи. За то говорятъ, что и Теммель покровительствуетъ планамъ князя захватить еще кусочекъ Герцеговины и ходатайствуетъ объ этомъ передъ своимъ правительствомъ.

Вмѣстѣ съ Вукотичемъ главою австрійской партіи между черногорцами состоитъ и Станко Радоничъ, двоюродный братъ князя Николая и его министръ иностранныхъ дѣлъ. Особый родъ услугъ, оказываемыхъ Австріи этой личностью, шпионичанье за герцеговинцами, живущими въ Черногоріи, и за Черногорцами, сочувствующими герцеговинскому движенію, возбудило противъ Радонича негодованіе даже его коллегъ по министерству, изъ которыхъ одинъ воевода, Врбница, далъ это почувствовать Радоничу всей тяжестью мощной черногорской десницы: встрѣтись съ нимъ въ одномъ домѣ въ Которѣ, Врбница далъ ему пощечину и билъ его, пока рука не устала. Радоничъ хотѣлъ его было вызвать на дуэль, но во время подосылъ изъ Бара телеграфическій приказъ князя не драться, и австрійскій клеветръ остался единственнымъ битымъ черногорцемъ**).

Рассказываютъ, что народъ въ Черногоріи чрезвычайно бунтуетъ противъ своихъ правителей и что только отсутствіе большей части ихъ изъ страны спасаетъ ихъ отъ заявленій народнаго негодованія; Вукотичъ поддѣлывается подъ общее настроеніе,

*) Рассказъ нашего корреспондента подтверждается и донесеніемъ того-же Теммеля графу Андрани, напечатаннымъ въ австрійской «Красной книгѣ» 1879 г., причемъ Теммель заявилъ, что П. Вукотичъ «много заслужилъ передъ Им.-К. правительствомъ своимъ содѣйствіемъ австрійской оккупациі». (Ред.)

**) Радоничъ уже получилъ утѣшеніе: командорскій крестъ Франца Іосифа; за кого побить, тѣмъ и награжденъ. (Ред.)

самъ выражаетъ неудовольствіе на «дипломатовъ» и убѣждаетъ народъ оставаться спокойнымъ, надѣясь на князя, который, когда прійдетъ назадъ, все поправитъ.

Не знаю, насколько вѣрны ходячіе здѣсь слухи, будто на жизнь самого князя Николая уже было покушеніе, называють и виновника, одного изъ герцеговинскихъ выходцевъ, съ семействомъ котораго дурно обходились въ Черногоріи и котораго самого грозили выдать Австріи. У кого изъ Черногорцевъ объ этомъ я ни спрашивалъ, всѣ отпѣкиваются, и я въ самомъ дѣлѣ не знаю, что думать; происшествіе это вѣроятно, потому что Герцеговинцы на князя теперь сильно озлоблены, но, съ другой стороны, слухъ могъ быть распространенъ и самимъ княземъ для вящаго увѣренія Австріи въ своей преданности. Каковы бы однако ни были ошибки князя Николая, онъ все таки лучше и симпатичнѣе всѣхъ своихъ родственниковъ, вліяніе которыхъ, въ случаѣ смерти князя, было бы гораздо вреднѣе для согласія между Герцеговинцами и Черногорцами. Да и, Боже, избави Герцеговинцевъ отъ какихъ либо покушеній! Это не ихъ дѣло: они до сихъ поръ встрѣчались съ врагами только въ честномъ и равномъ бою; такъ они всегда побѣждали турокъ, такъ и, Богъ дастъ, побѣдятъ они и Австрійцевъ и другихъ своихъ враговъ.

П—ичъ.

ВСЕОБЩІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Вотъ уже нѣсколько педѣлъ, какъ газеты сначала Восточной Европы, а теперь и Западной, наполняются сенсационными извѣстіями изъ Галиціи, мало понятными для тѣхъ, кто не привыкъ переводить на реальный языкъ эту разноколиберную путаницу, которую пускаютъ объ этой несчастной странѣ тенденціозные врали, польскіе, русскіе и нѣмецкіе. Извѣстія эти сосредоточиваются въ послѣднее время преимущественно около открытія въ Галиціи т. наз. московско-панславистической агитаціи, къ которой нѣкоторые польскія газеты примѣшиваютъ и агитацію украинско-соціалистическую. Чтобы, какъ слѣдуетъ, разобраться въ этихъ извѣстіяхъ, надо бы написать цѣлую статью, что не входитъ теперь въ наши намѣренія, — а потому мы скажемъ лишь о томъ, о чемъ наиболѣе кричатъ газеты; русскіхъ же читателей, которые бы пожелали дать себѣ отчетъ объ общемъ положеніи Галиціи отсылаемъ къ статьѣ Туриста, напечатанной въ X кн. «Дѣла» за 1881 г.: «Литературно-общественныя партіи въ Галиціи».

Газетный шумъ о Галиціи былъ поднятъ въ послѣднее время по поводу села Гнилича, заявившаго намѣреніе перейти изъ униатства въ православіе. Вѣдшимъ поводомъ къ такому заявленію послужило то обстоятельство, что Гнилички, село въ 550 душъ, не имѣетъ своего священника, а церковь его остается филиею церкви, находящейся въ большомъ селѣ, верстахъ въ 5, на содержаніе которой, какъ и своей, гниличане должны платить налогъ. Идею перейти въ православіе съ подчиненіемъ епископін черновицкой (въ Буковинѣ), говорить, гниличанамъ внушилъ ихъ помѣщикъ, буковинскій итальянецъ, гр. Делла-Скалла, — а другіе увѣряютъ, что — галичане, находя-

щіеся въ сношеніяхъ съ славянскимъ комитетомъ и даже петербургскимъ Св. Синодомъ, д-ръ Наумовичъ и его отецъ, священникъ въ Салатѣ. Самы гниличане приводятъ въ числѣ резоновъ неудовольствія своею теперешнею духовною администаціею, — что «хоть теперь и есть добрые священники, однако мало, потому что теперь не даютъ такого священника, какой бы былъ хорошъ для громады, а такого, котораго накинеть панъ и который скачетъ, какъ панъ играетъ». Вообще, кто слѣдитъ за отношеніями галичскихъ крестьянъ къ церкви въ послѣдніе годы, тотъ не могъ не замѣтить у нихъ сильнаго неудовольствія противъ духовныхъ, выражающагося какъ отказомъ выбирать духовныхъ въ депутаты, такъ и попытками переходить цѣлою громадою то въ католицизмъ, то въ протестанство, то въ отдѣльныхъ семьяхъ отпаденіемъ въ весьма радикальное отрицаніе всякой религіи (см. въ брошюрѣ Подолнскаго: «Соціалисты-украинцы въ Австріи»). Еще Кельсievъ рассказывалъ, какъ солдатъ-великорусъ изъ русскаго войска, проходившаго въ Венгрію въ 1849 г., былъ пораженъ отвѣтомъ гуцула, котораго онъ спрашивалъ, почему онъ не собирается въ церковь въ Воскресенье: «а за чѣмъ я пойду? это все поны выдумали, чтобъ людей обдирать», — и какъ солдатъ поучилъ гуцула тесакомъ, приговаривалъ: «малый, ты, хохоль, дурень; не смѣй разсуждать!» (Галичана и Молдавія, 30). Это разносторонне выраженное неудовольствіе духовенствомъ у галичскихъ украинцевъ вполне соответствуетъ подобному же броженію среди ихъ русскіхъ земляковъ, выражающемуся различно, — отъ запиранія церквей, до отпаденія въ штунду и въ полный скептицизмъ, о которомъ сообщило, напр., извѣстіе изъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда въ «Порядкѣ» 1881, № 163. На этомъ общемъ фонѣ можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать православная пропаганда въ Галиціи, какъ штундистская въ Россіи. Дѣло не въ пропагандѣ, а въ неудовольствіи народа своими попами, которому соответствуетъ глубокое неудовольствіе и панствомъ, и чиновничествомъ.

Но не такъ поняли гниличское дѣло великорусско-православныя газеты въ Россіи и польско-католическія въ Австріи. И пошли писать! Писаніемъ, впрочемъ, дѣло не ограничилось. Польскія политическія партіи пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ натравить полицію на русиновъ, а въ послѣднее время онѣ напугались стремленіемъ крестьянъ-русиновъ организоваться въ самостоятельныя кадры снизу вверхъ, около читаленъ, кассъ и т. п., стремленіемъ, которыя разочаровали польскихъ историческихъ патріотовъ, торжествовавшихъ парламентскія побѣды надъ русинами. Польскія газеты въ послѣднее время сильно жаловались на социализмъ и украинизмъ, приравнивая и тотъ, и другой къ московской агитаціи, — и теперь ухватились за гниличское дѣло, чтобъ изобразить русиновъ исполненными сепаратистическаго, московскаго духа. Пугливое правительство, разумѣется, поддалось крикамъ польскихъ политиковъ, — и вотъ, мы читаемъ объ обыскахъ у вѣстныхъ галичскихъ «москвофиловъ», а дальше объ арестахъ какъ ихъ, такъ и крестьянъ

яны да при сей вѣрной оказіи и объ обыскахъ и арестахъ социалистовъ. По вѣнскимъ телеграммамъ, арестовано въ послѣдніе дни 18—20 человекъ.

Все это дѣло натуральное: и польскіе «Московскія Вѣдомости», «Руси», «Новыя Времена», «Голосы» и т. п., и австрійскіе Игнатъевы, Черевины и т. п. исполняютъ только свои обязанности. Во всей этой исторіи самое грустное то, что интеллигенція русиновъ, и преимущественно представители той партіи, которая претендуетъ на названіе «молодой», «народной» — и которую называютъ еще и «украинской», своихъ обязанностей не исполняютъ. При самомъ началѣ гниличанскаго дѣла, газеты «народовцевъ» не противопоставили крикамъ польскихъ газетъ энергическаго голоса о томъ, что дѣло религии — дѣло совѣсти, въ которое никакая политическая власть не должна вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что въ Австріи существуетъ по закону свобода вѣроисповѣданій. Далѣе, когда духовныя уніатскія и гражданскія власти, уговаривая гниличанъ отказаться отъ ихъ намѣренія, указали имъ на то, что они должны будутъ расходовать на постройку новой церкви, такъ какъ старая ихъ церковь должна оставаться собственностью уніатскаго церковнаго фонда, — то ни одна народоцкая газета не высказала, что если бы даже подобная комбинація и была согласна съ австрійскимъ правомъ, то она противна здравому разуму и понятіямъ народа, по которымъ церковь — собственность громады.

По поводу же обысковъ у галицкихъ «москвофиловъ» народоцкая газета «Діло» (съ 1882 г. допущенная и въ Россію) дошла до такого униженія, что написала слѣдующія слова, въ которыхъ видно сначала трусливое бормотанье, а потомъ явное прислуживанье предрѣшающей власти: «Какъ бы тамъ ни было, а все это показываетъ, что правительственныя сферы дѣйствительно обезпечены извѣстіями о російской пропагандѣ въ Галиціи. Результатъ покажетъ, на сколько эти извѣстія справедливы. Право государства выслѣживать иностранную пропаганду или агитацію не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ никакое государство не можетъ позволить агитацію противъ своей цѣлости и непарушимости»....

Подумаешь! какіе государственники! И кто же эти государственники?! Русины, галичане, которые съ конца XIV в. не знаютъ, что такое свое государство! «украинофилы», которые ничего не видѣли ни отъ какого изъ управляющихъ ими государствъ, кромѣ именно обысковъ да арестовъ! «Діло» прекрасно знаетъ, что считается въ Галиціи достаточнымъ для обыска и даже для осужденія въ «противугосударственной агитаціи, идущей изъ за границы». Польскіе шовинисты приучили и австрійскія власти считать всякое самостоятельное движеніе русиновъ за «опасное для государства» и всякія виѣ-австрійскія отношенія, даже чисто-литературнаго свойства, за покушеніе на цѣлость Австріи. Давно ли не только польскіе централисты, но даже русинскіе клерикалы, которые столь незамѣтно переходятъ въ москвофиловъ, доносили на заграничныя, козацко-украинскія сим-

патіи и связи галицкихъ народовцевъ и доказывали опасность для Австріи даже въ употребленіи языка Шевченка и правописанія Кулиша? Давно ли были обыски въ самой «Просвітѣ» и у лицъ партіи «Діла»?

— *Hodie mihi, cras tibi!* (сегодня мнѣ, завтра тебѣ) — говоритъ пословица, которую не должны забывать общественные дѣятели, а особенно среди народовъ негосударственныхъ, притѣсняемыхъ. Дѣятели такихъ народовъ въ особенности должны стоять мужественно и солидарно въ охранѣ основныхъ правъ личности. Именно потому, что галичане никогда не показывали ни солидарности, ни смѣлости въ охранѣ этихъ правъ, — они и приучили противниковъ своихъ и полицію вообще къ безпрепятственному наѣздамъ въ ихъ лагеря и уменьшили на дѣлѣ даже тѣ права, которыя признаны за ними австрійскою конституціей. Въ 1877 г. львовская полиція предприняла охоту на молодежь, заподозренную въ сношеніяхъ съ «украинскими нигилистами» (социалистами), хотя эти сношенія были чисто литературнаго свойства и хотя социалистическія идеи въ Австріи не запрещены. Полиція была поддержана въ этой охотѣ газетами старшихъ партій, клерикаловъ москвофиловъ и народовцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, полиція вторглась въ общества и квартиры своихъ прежнихъ пособниковъ, народовцевъ, къ великому удовольствію москвофиловъ. Теперь пришла очередь послѣднихъ, — и народоцкое «Діло» бормочетъ о правахъ державы охранять свою цѣлость....

Поведеніе народоцкаго органа столько же позорно, сколько и нерасчетливо. Вдвойнѣ нерасчетливо. Во первыхъ, полиція можетъ только еще больше разохотиться и навѣдаться и въ редакціи народоцкихъ газетъ, изъ которыхъ, если не на «Діло», то на «Батьківщину», польскіе централисты очень острятъ зубы. А во вторыхъ, — трусость «молодыхъ» и «народоцевъ» можетъ только поднаты авторитетъ «старыхъ» москвофиловъ, который именно въ послѣднее время сталъ, видимо, падать въ Галиціи. Народное неудовольствіе въ Галиціи противъ порядковъ свѣтскихъ и церковныхъ стало очень глубоко. Оно распространилось и на представителей старыхъ партій, къ числу которыхъ принадлежатъ москвофилы. Общее желаніе освѣжить политическое представительство, и цѣлостныя реальныя заслуги народовцевъ, по крайней мѣрѣ, въ школьномъ дѣлѣ и въ популярной литературѣ, открыли передъ народоцками возможность стать въ главѣ русинскаго населенія Галиціи. Трусость и безтактность народовцевъ можетъ вырвать обоюдныхъ событіями москвофиловъ.

Москвофильство въ Галиціи можетъ быть оживлено только какъ реакція польскому управленію, при неизмѣни другихъ, болѣе цѣлесообразныхъ формъ для проявленія глубокаго неудовольствія населенія противъ этого управленія. Стоитъ только указать народу другія, болѣе рациональныя формы для организаціи этого неудовольствія, — и о москвофильствѣ, православіи и т. п. не будетъ и рѣчи. Конечно, новымъ, дѣйствительно, молодымъ и народнымъ партіямъ предстоитъ выдержатъ усиленный натискъ теперь господствующихъ польскихъ партій, но, при самомъ

небольшомъ умѣнши, дѣйствительнымъ народоцкамъ изъ русиновъ не трудно будетъ привлечь на свою сторону и крестьянъ — поляковъ краковской области, среди которыхъ живетъ свое недовольство панствомъ и его хозяйничаньемъ...

Теперь «народоцы», какъ и «москвофилы», плачутся на то, что польскіе патріоты, которые очень мало заботятся о своемъ народѣ, пустились въ пропаганду своихъ идей среди русиновъ, сочиняя для нихъ исторію краля въ своемъ вкусѣ, издавая для нихъ книги польскимъ алфавитомъ, основывая во Львовѣ польское общество *Oświaty ludowej* и т. п. Въмѣсто этихъ жалобъ, попробовали бы напр. народоцы издать для польскихъ хлоповъ исторію Польши съ точки зрѣнія хлопскихъ интересовъ, да напомнили бы имъ напр. Наперскаго, который поднималъ хлоповъ подъ Краковомъ въ то время, когда козаки поднимали ихъ на всей Украинѣ, — издали бы по польски нѣсколько брошюръ объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ Галиціи, и поляковъ, и украинцевъ, собрали бы хоть два — три митинга изъ крестьянъ обѣихъ націй, да и предложили на нихъ основаніе обоюдныхъ обществъ для защиты крестьянскихъ интересовъ. Все это было бы по существу плачемъ и для борьбы съ польскими патріотами, и для народнаго дѣла вообще. И все это не запрещается даже австрійскими законами. А далѣе уже одни трусливые крики польскихъ политиковъ сдѣлаютъ рекламой этимъ скромнымъ начинаніямъ и выведутъ ихъ на болѣе широкую дорогу.

М. Драгомановъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

I.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Рабочій конгрессъ въ Нью-Йоркѣ. Стачки.

Въ концѣ декабря прошлаго года въ Нью-Йоркѣ собрались на конгрессъ делегаты социальнo-демократической партіи Соединенныхъ Штатовъ или, вѣрнѣе, одной ея фракціи. Читатели уже изъ прежнихъ моихъ отчетовъ знаютъ о выдѣленіи изъ социалистической партіи Сѣверной Америки болѣе крайнихъ элементовъ въ самостоятельную организацію. Въ сущности новая организація не отличается отъ старой ни въ принципиальномъ отношеніи, ни даже въ тактическомъ. Обѣ онѣ стоятъ цѣлкомъ на точкѣ зрѣнія германской социальной демократіи, обѣ онѣ приверженцы избирательной и парламентской агитаціи. Но въ то время, какъ руководители старой организаціи не прочь отъ компромиссовъ съ нѣкоторыми несоциалистическими демократическими партіями, диссиденты ея твердо стоятъ на полной отдѣльности социалистовъ отъ прочихъ партій. Тѣмъ не менѣе, раскола этого не было бы, если бы обычная страсть центральныхъ органовъ къ «единству» и единообразію не увлекла бы официальныхъ вождей партіи до исключенія оппонентовъ изъ ея среды, какъ «мятежниковъ». Повидимому, послѣдніе, однако, на столько влиятельны, что старымъ вождямъ приходится счи-

таться съ ихъ агитаціей, какъ это видно изъ резолюцій ихъ на послѣднемъ конгрессѣ относительно избирательной тактики: конгрессъ постановилъ впредь не входить въ компромиссы ни съ какими партіями, въ принципѣ отрицающими социалистическій строй. Но въ то же время, какъ бы для еще большаго ослабленія партій, конгрессъ вновь исключилъ 19 членовъ въ Нью-Йоркѣ, приверженныхъ къ болѣе послѣдовательной въ принципиальномъ и тактическомъ отношеніяхъ новой социалистической организаціи.

На конгрессѣ явилось около 20 делегатовъ отъ главныхъ центровъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ центральной кассѣ оказалось 10,000 франковъ, цифра, указывающая на не очень удовлетворительное состояніе дѣлъ. Пріняты резолюціи сочувственныя ирландцамъ, германской социальной демократіи и русскимъ революционерамъ. Остальныя резолюціи конгресса не имѣютъ особаго значенія.

* * *

Стачки въ Соединенныхъ Штатахъ не прекращаются ни на одинъ день. Среди многихъ другихъ столкновений труда и капитала въ этой странѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя стачки рудокоповъ въ Ст. Жозефъ, Спрингтонѣ и въ штатѣ Иллинойсѣ, сигарочниковъ въ Милуоки (900 человекъ) и каменотесовъ—также въ Иллинойсѣ. Стачка сигарочниковъ продолжается уже нѣсколько мѣсяцевъ и отличается крайнимъ раздраженіемъ и упорствомъ со стороны какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ. Во многихъ мѣстахъ собирались большіе митинги и организованъ былъ сборъ пожертвованій въ пользу стачкующихся сигарочниковъ. Объ исходѣ стачки до настоящей минуты ничего неизвѣстно.

II. ФРАНЦІЯ.

Исключеніе группы «Egalité» изъ федераціи центра.

И въ этой странѣ намъ приходится отмѣтить въ рабочемъ движеніи фактъ, аналогическій выше указанному относительно Сѣверныхъ Штатовъ. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени выработки окончательной организаціи рабочей партіи, какъ мы уже слышимъ о расколѣ въ ея средѣ. И виѣ всякаго сомнѣнія, что причина заключается гораздо болѣе въ личныхъ взаимныхъ антипатіяхъ руководителей партій, чѣмъ въ принципиальныхъ и даже тактическихъ разногласіяхъ. Правда, Малонъ и особенно Бруссъ, руководящіе группой пролетариата, болѣе склонны къ федерализму, чѣмъ группа «Равенство» (Egalité), во главѣ которой стоятъ Гедъ и Лафаржъ—безусловные послѣдователи Маркса и Энгельса; но разница между ними все таки далеко не на столько крупная, чтобы ею могъ обуславливаться расколъ въ юной «рабочей партіи». Какъ бы то ни было, расколъ принялъ уже очень острый характеръ, и вопреки протестамъ противъ него со стороны разныхъ секцій, онъ весьма рѣзко проявляется въ обоихъ органахъ и завершился пока исключеніемъ группы «Равенство» изъ «федерации центра». Хорошо еще, что партія рабочихъ во Франціи организована на федеративныхъ началахъ, такъ что центральная админист-

рація не имѣетъ права исключать «мятежныхъ» членовъ изъ партіи вообще, а только каждая федерація имѣетъ право исключать секцію изъ своей организаціи, мѣра не обязательная для всей партіи. Замѣтимъ кстати, что органъ исключенной группы — «Egalité» — редижируется съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, чѣмъ газета «Prolétaire».

III. АВСТРО-ВЕНГРИЯ.

Отзывы буржуазныхъ газетъ о социально-политическихъ отношеніяхъ въ Венгріи. Полицейско-судебныя преслѣдованія социалистовъ. Отношенія послѣднихъ къ подавленію независимости сербскихъ племенъ.

Въ «Западно-венгерскомъ пограничномъ вѣстникѣ», ежедневно выходящей въ Прессбургѣ газетѣ, появилась недавно статья подъ заглавіемъ: «истинные нигилисты». Она написана по поводу недавнихъ обысковъ и арестовъ въ Прессбургѣ и настолько рельефно характеризуетъ политическую и социальную безурядицу въ имперіи и спеціально въ Венгріи, что считаю нелишнимъ привести нѣкоторые извлеченія изъ нея *). Въ то время, говоритъ эта газета, когда графъ Юліи Счапари съ «напвностью», достойной изумленія, увѣрялъ, что жалобы на обѣдненіе и нужду неосновательны, что статистика доказываетъ возростаніе благосостоянія; въ то время, какъ палата ясно обнаруживаетъ свое полное непониманіе всего, кромѣ «личныхъ нападеній», и утверждаетъ бюджетъ, — «высшая рука, повидимому, избрала Прессбургъ... въ намѣреніи сдѣлать изъ него новый краеугольный камень венгерской исторіи и общественныхъ переворотовъ».... «быть можетъ, социалистическія опасности предназначены служить холостымъ зарядомъ, чтобы вынудить сохранившихъ еще чувство стыда делегатовъ вотировать требуемый боснійскій кредитъ». Очень можетъ быть, что правительству нуженъ «козель отпущенія» «за его многіе грѣхи» и что оно даже нарочно пускаетъ въ ходъ особую тактику, чтобы имѣть поводъ заниматься «спасеніемъ государства». Найдя, что обычные средства недостаточны для удержанія въ своихъ рукахъ кормила правленія, правительство, «быть можетъ, нуждается въ ужасающемъ призракѣ социалистическихъ или нигилистическихъ бунтовъ». Въ виду подобныхъ «маневровъ отчаянія» «наша обязанность указать, кто истинные нигилисты въ Венгріи» (курсивъ въ подлинникѣ)... Это — тѣ, кто изъ года въ годъ спокойно созерцаютъ «парламентское фиگارство», въ то же время зная, что учитель и чиновникъ, эти «опоры государства» получаютъ ничтожное вознагражденіе, промышленникъ прозябаетъ, «винодѣлатель погибаетъ, крестьянинъ изъ многочисленныхъ плодородныхъ комитатовъ нашей страны выселяется въ Америку, значительная часть политически-руководящихъ классовъ въ долгахъ и тѣмъ не менѣе обьята умственной и физической лѣнью и безхарактерна, — между тѣмъ какъ плутовство и мошенничество все болѣе и болѣе процвѣтаютъ». — Политики, депутаты, министры, «бюрократы, чувство справедливо-

сти которыхъ давно въ «чернилѣ потонуло», профессора, находящіе прекраснымъ порядкомъ, въ которомъ «ястребъ поѣдаетъ голубя», всѣ тѣ «мошенники пера и печати христіанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданія», тѣ «дѣлатели общественнаго мѣнія, которые никогда не обладали стремленіемъ къ высокому и справедливому», — вотъ кто «виновенъ въ томъ, что «петролейщики» постоянно возрастаютъ въ числѣ и что намъ предстоитъ или погруженіе въ отвратительный нравственный развратъ или безусловно-разрушительный переворотъ». Они — «гробоконатели нашего прекраснаго отечества — истинные нигилисты».

Такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ въ Венгріи органъ отнюдь не социалистическій. Въ томъ же духѣ высказывается и еженедѣльная газета «Новый Пенітскій журналъ» по поводу арестовъ и обысковъ въ Прессбургѣ. «Опасаются, говоритъ между прочимъ эта газета, чтобы—какъ это было очень давно—опять произведенія Дарвина, Фохта, Руссо, Фейербаха и другихъ «мятежниковъ» не были арестованы изъ «высшихъ соображеній».... Господа воры за то въ душѣ будутъ благодарить мудрое правительство, дающее имъ возможность безпрестанно заниматься своимъ промысломъ, благодаря употребленію назначенныхъ на охрану собственности органовъ для «государственно-спасительныхъ дѣйствій».

И дѣйствительно, правительство имѣетъ гораздо болѣе серьезныя задачи, чѣмъ надзоръ за ворами. Въ теченіи января 82 г. полиція дѣлательно производитъ обыски и аресты социалистовъ во всѣхъ углахъ и центрахъ имперіи. Въ одномъ мѣстѣ арестованы даже мужъ, жена и ребенокъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Буріанъ, выпущенные послѣ 4 мѣсячнаго и болѣе заключенія въ началѣ января, теперь опять арестованы. Судебныя пренія на политическихъ процессахъ происходятъ обыкновенно тайно. Такъ напримѣръ, недавній процессъ въ Вѣнѣ противъ 4 социалистовъ по обвиненію въ произнесеніи «возбуждающихъ» рѣчей въ публичномъ собраніи 24 октября 81 г., происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, такъ что, только благодаря освобожденію одного изъ подсудимыхъ, въ печать проникли нѣкоторыя подробности суда. Между ними характерно, что одинъ изъ подсудимыхъ, Готце, вынужденъ былъ отказаться отъ защиты, благодаря постояннымъ перерывамъ президента, когда онъ касался программы рабочей партіи: «Если я не могу высказаться въ такомъ важномъ дѣлѣ, то я объявляю, что я стою не передъ судомъ, а передъ палачами». Другой подсудимый заявилъ, что онъ сталъ бы защищаться только передъ судомъ присяжныхъ; здѣсь же онъ отказывается говорить. При всемъ томъ доказательства виновности были такъ слабы, что пришлось ограничиться приговоромъ только отъ 1 до 3 мѣсяцевъ ареста.

20 января 82 г. происходилъ въ Вѣнѣ процесъ по дѣлу объ избіеніи полицейскаго въ рабочемъ собраніи 4 декабря. Подсудимые отрицали свое участіе въ этомъ избіеніи. Улики противъ обоихъ подсудимыхъ были также крайне недостаточны. Но прокуроръ требовалъ мести за пострадавшаго «охранителя» — и судъ приговорилъ одного къ 3 годамъ «тяжелаго тюремнаго заключенія», (schweren Kerkers), другаго къ 2 годамъ. Оба,

*) Заимствую эти извлеченія изъ «Народной газеты» № 6 (5 февраля). Издается еженедѣльно въ Будапештѣ.

сверхъ того, должны одинъ день каждый мѣсяцъ поститься.

23 января начался въ Прагѣ судъ надъ 31 обвиняемымъ въ разныхъ политическихъ «преступленіяхъ» и «проступкахъ». Приговоръ, кажется, объявленъ 4 февраля; но точныхъ свѣдѣній о немъ у меня пока нѣтъ.

Въ сферѣ полицейскаго рвенія больше всего шуму надѣлали многочисленные обыски и аресты въ русинской части Галиціи, гдѣ пострадавшими явились не только социалисты, но и просто мѣстные патриоты.

* * *

По сообщеніямъ австрійскаго корреспондента юрискскаго «Соціалдемократа» (№ 5), въ пользу пострадавшихъ отъ пожара въ вѣнскомъ театрѣ собрано больше милліона гульденовъ. Не смотря на это, вдовы и сироты сгорѣвшихъ терпятъ страшную нужду, «не получая почти никакихъ пособій» изъ этого фонда. Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ слѣдующее о политикѣ австрійскаго правительства въ Босніи и Герцеговинѣ: «оно выжимаетъ налоги хуже турокъ, самымъ безстыднымъ образомъ оно надѣляетъ привилегіями крупныхъ собственниковъ, беговъ, опутываетъ страну развращенною бюрократіей, окончательно высасывающею бѣдную страну, наконецъ, декретизируетъ всеобщую военную повинность — все это ради «успокоенія» обѣихъ странъ». А такъ какъ вмѣсто того, чтобы «успокоиться» онѣ начинаютъ волноваться, то посылаются 80,000 солдатъ для подавленія недовольныхъ. Но «ты (правительство) ничѣмъ при этомъ не рискуешь до тѣхъ поръ, пока «общественное мнѣніе» реакціонной и ультра-либеральной прессы не сестъ тебѣ навстрѣчу кровью дѣтей народа, а всѣ партіи въ парламентѣ стараются превзойти другъ друга въ вѣроподданности и въ требованіи энергическихъ мѣръ для охраненія власти».... Но «пусть клерикалы, нѣмцы, венгры, поляки, чехи восторгаются вами, — н а р о д ъ, безъ различія націй, ненавидитъ васъ: онъ ропщетъ на то, что отрываютъ рабочаго отъ жены и дѣтей, чтобы онъ проливалъ свою кровь въ Герцеговинѣ, какъ невольный помощникъ палача, между тѣмъ какъ его семья дома голодаетъ». Рабочій народъ посылаютъ играть роль палача по отношенію къ бѣдному населенію, «которое только защищаетъ свою свободу».

.... «Но когда война, какъ можно предвидѣть, приметъ болѣе широкіе размѣры, когда, благодаря неспособности генераловъ, солдаты будутъ истребляемы, а мошеничество чиновниковъ обречетъ солдатъ на голодъ.... тогда прорвутся послѣднія плотины, сдерживавшія отчаяніе народа».

На сколько предсказанія корреспондента основательны, не беру съудить. Но характерно его отношеніе къ шовинизму правительства и высшихъ классовъ, отношеніе, составляющее отличительную черту всѣхъ социалистическихъ партій, когда подъ знаменемъ такъ называемаго патриотизма начинается крестовый походъ противъ свободы какой бы то ни было націи.

IV.

ИТАЛІЯ.

На островѣ Эльбѣ стакнулись 800 рудокоповъ. Поводомъ послужило увольненіе рабочихъ,

служившихъ при рудникахъ 40 лѣтъ, и замѣна ихъ каторжниками. Для восстановленія «порядка» послано нѣсколько отрядовъ солдатъ.

Въ то же время своимъ чередомъ продолжаются преслѣдованія социалистовъ. Газеты ихъ съ «удивительною правильностью конфискуются». Безобразія правительства въ сферѣ преслѣдованій недовольныхъ существующимъ строемъ возмущаютъ даже нѣкоторые элементы буржуазіи — и «республиканское движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; во многихъ мѣстахъ социалисты плутъ рука объ руку съ республиканцами, не поступаясь однако своей самостоятельностью» (Soziald. № 5). Въ срединѣ января конфискованы были 8 газетъ, изъ которыхъ 4 социалистическія, а остальные — республиканскія. (Egalité № 6).

ЖЕРТВЫ АНТИЕВРЕЙСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ВАРШАВѢ ПО ЗАНЯТІЯМЪ.

Нѣмецкія газеты передаютъ свѣдѣнія изъ Варшавы относительно занятій еврейскихъ семействъ, пострадавшихъ во время недавнихъ противоеврейскихъ безпорядковъ. По этимъ свѣдѣніямъ пострадало семействъ: ростовщиковъ и лицъ сомнительныхъ занятій — 12, вдовъ (?) — 17, шинкарей — 246, разн. занятій — 14, домовладѣльцевъ и колонистовъ въ предмѣстьяхъ 83, мелкихъ торговцевъ, скупщиковъ и табачныхъ лавочниковъ — 281, продавцевъ предметовъ пищи 498, ремесленниковъ — 434 и поденщиковъ 318. Послѣднія двѣ категоріи принадлежатъ явно къ рабочимъ классамъ; а если принять во вниманіе, что и изъ двухъ непосредственно передъ ними стоящихъ значительная часть все такъ трудится около занятій необходимыхъ и, навѣрно, бѣдна, то получимъ, что по крайней мѣрѣ половина пострадавшихъ принадлежитъ къ классамъ столько же бѣднымъ, сколько и занятымъ полезнымъ или необходимымъ для общества трудомъ. Еще новый аргументъ въ пользу мысли о необходимости подумать, кому слѣдуетъ, о сближеніи еврейскаго бѣднаго и трудящагося населенія съ христіанскимъ.

МЕЛОЧИ.

«Вольное Слово» и «Оса». Въ парижскомъ радикальномъ журналѣ «Le Citoyen» читаемъ въ отдѣлѣ «Революція въ Россіи» между прочимъ слѣдующее:

«Государственная полиція дѣлаетъ все возможное для того, чтобы открыть сотрудиновъ и отношенія конституціоннаго русскаго журнала, выходящаго въ Женевѣ, «Вольное Слово». «Нигилистическій комитетъ заявляетъ, что скоро появится новый тайный журналъ подъ заглавіемъ «Оса». Онъ будетъ еще крайнѣе «Народной Волн».

Въ то же время въ «Intransigeant» находимъ

депешу изъ Женевы отъ 4 февраля, 2 ч. по пол., слѣдующаго содержанія:

«Изъ Петербурга извѣщаютъ, что въ этомъ городѣ не замедлитъ появиться новый нигилистическій органъ, очень радикальный. Журналъ этотъ будетъ называться «Оса» и будетъ имѣть задачею борьбу съ конституціоннымъ органомъ «Вольное Слово».

Син слова читай

И, какъ хочешь, понимай!

Либерализмъ и народничество въ русскихъ газетахъ. Читая препрательства «Голоса», «Новаго Времени», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и т. п. по вопросу о либерализмѣ, невольно спрашиваешь себя: не устраняетъ ли кто нибудь въ правленіи по дѣламъ печати газетнаго концерта съ намѣреніемъ, — чтобы «либералы» высказывали въ «Голосѣ» только такой либерализмъ, который потомъ легко могли бы разбивать даже публицисты «Новаго Времени» и «Биржевыхъ Вѣдомостей» и при этомъ оказываться «народниками»? Такимъ образомъ, газеты служатъ только къ вящему затемненію понятій въ публикѣ. Не пора ли обществу положить конецъ этой недостойной комедіи, потребовавъ отъ правительства сколько нибудь серьезнаго закона о печати, который бы ограждалъ ее отъ административнаго произвола?

ПОПРАВКИ.

Въ № 25, на 6 стр. во 2-мъ столбцѣ, въ примѣчаніи, на 2-ой стр. снизу напечатано: «бывающіе въ Москвѣ» — слѣдуетъ читать: «бывающіе въ Меккѣ».

Въ № 24, въ числѣ подсудимыхъ по имѣющему быть въ февралѣ политическому процессу, Елизавета Николаевна Оловенникова ошибочно названа «Овсянниковой».

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ Типографіи «Вольнаго Слова»

(Genève, Chemin Dancet, 15)

продаются отдѣльными сброшюрованными изданіями:

„ВОЛЬНОЕ СЛОВО“

за 1881 годъ, 20 №№.

Цѣна 10 франковъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША И ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

М. Драгоманова.

(Отдѣльные оттиски изъ «Вольнаго Слова», пересмотрѣнные и дополненные).

Цѣна 3 фр. 50 сантим.